

Журавский С. Г.¹, Гончарова С. Г.², Поддубный М. В.²

«ПИСЬМА С. П. БОТКИНА ИЗ БОЛГАРИИ. 1877 Г.»: ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ АВТОГРАФА

¹ФГБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Минздрава России, 197022, г. Санкт-Петербург;

²ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, 105064, г. Москва

Болгарские письма 1877 г. С. П. Боткина к жене (Е. А. Боткиной, урожденной княжне Оболенской) были опубликованы в виде путевого дневника в 1892 г. в журнале «Вестник Европы» и отдельной книгой в 1893 г. Восстановлены семейные события, связанные с изданием эпистолярия. Для публикации материал частного характера сокращала Е. А. Боткина, а затем места с компрометирующей критикой убирал редактор журнала. Несмотря на добротню подготовленный текст, публикация была отложена самой Е. А. Боткиной, а позднее задерживалась из-за претензий цензурного ведомства. Отмечена роль многолетнего друга С. П. Боткина Н. А. Белоголового и общественного деятеля, издателя М. М. Стасюлевича в окончательном решении опубликовать эпистолярий. Проведенное впервые сравнение оригинала и печатного издания установило, что купюры составили более 1/3 авторского текста.

Ключевые слова: С. П. Боткин; Е. А. Боткина; письма; Болгария; М. М. Стасюлевич; Н. А. Белоголовый

Для цитирования: Журавский С. Г., Гончарова С. Г., Поддубный М. В. «Письма С. П. Боткина из Болгарии. 1877 г.»: история публикации автографа. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022;30(2):329—338. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-2-329-338>

Для корреспонденции: Журавский Сергей Григорьевич, д-р мед. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории слуха и речи НИЦ Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова, e-mail: s.jour@mail.ru

Zhuravskii S. G.¹, Goncharova S. G.², Poddubny M. V.²

“THE LETTERS OF S. P. BOTKIN FROM BULGARIA. 1877”: THE HISTORY OF PUBLICATION OF AUTOGRAPH

¹The Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “The Pavlov First Saint Petersburg State Medical University” of Minzdrav of Russia, 197022, St. Petersburg, Russia;

²N. A. Semashko National Research Institute of Public Health, 105064, Moscow, Russia

The letters of S. P. Botkin from Bulgaria (1877) to his wife, E. A. Botkina (née Princess Obolenskaya), were published as travel diary in the journal “Vestnik Evropy” in 1892 and as separate book in 1893. The family events related to publication of epistolary were restored. For publication, material of private nature was abridged by E. A. Botkina. Then, passages with compromising criticism were removed by editor of the journal. In spite of good quality of prepared text, publication was postponed by E. A. Botkina herself and afterwards it was lingered on because of claims of censorial department. The role of N. A. Belogolov, public figure and friend of S. P. Botkin of many years and M. M. Stasyulevich, a publisher, in final decision to publish epistolary is emphasized. The comparison of original and printed matter carried out for the first time, established that cuts made up to more than one third of author’s text.

Keywords: S. P. Botkin; E. A. Botkina; letters; Bulgaria; M. M. Stasyulevich; N. A. Belogolov.

For citation: Zhuravskii S. G., Goncharova S. G., Poddubny M. V. “The letters of S. P. Botkin from Bulgaria. 1877”: The history of publication of autograph. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhraneniya i istorii meditsini*. 2022;30(2):329—338 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-2-329-338>

For correspondence: Zhuravskii S. G., doctor of medical sciences, the Leading Researcher of the Laboratory of Hearing and Speech of the The Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “The Pavlov First Saint Petersburg State Medical University” of Minzdrav of Russia. e-mail: s.jour@mail.ru

Conflict of interests. The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study was partially implemented at the expense of the State R&D Project № 121060800163-8. The authors express their gratitude to A. A. Bondarenko, the candidate of physical and mathematical sciences, the Director of the Museum-Institute of Roerich Family for granted photography and right to its gratuitous publication.

Received 18.07.2021
Accepted 26.10.2021

Болгарские письма 1877 г. С. П. Боткина к жене, Екатерине Алексеевне Боткиной, были изданы в 1892 г. (через 15 лет после окончания войны и спустя 2 года после смерти автора) сначала в журнальной версии («Письма из Болгарии. 1877 г.» [1]), а затем отдельной книгой с дополнениями и несколько измененным названием («Письма С. П. Боткина из Болгарии. 1877 г.»; рис. 1) [2]. Ранее, работая с обнаруженной рукописью, мы показали ценность оригинального текста для представления биографии С. П. Боткина [3—5]. Цель настоящей работы —

раскрыть события, связанные с изданием «Писем С. П. Боткина из Болгарии. 1877 г.», и последующую судьбу рукописи.

Семейный архив Е. А. Боткина начала систематизировать вскоре после смерти мужа. Поводом, вероятно, послужила необходимость привести в хронологический порядок болгарскую корреспонденцию — самую объемную за годы их совместной жизни. Этот комплект, состоящий из 50 писем на 476 разноформатных листах рукописного текста, и стал началом пагинации¹⁶.

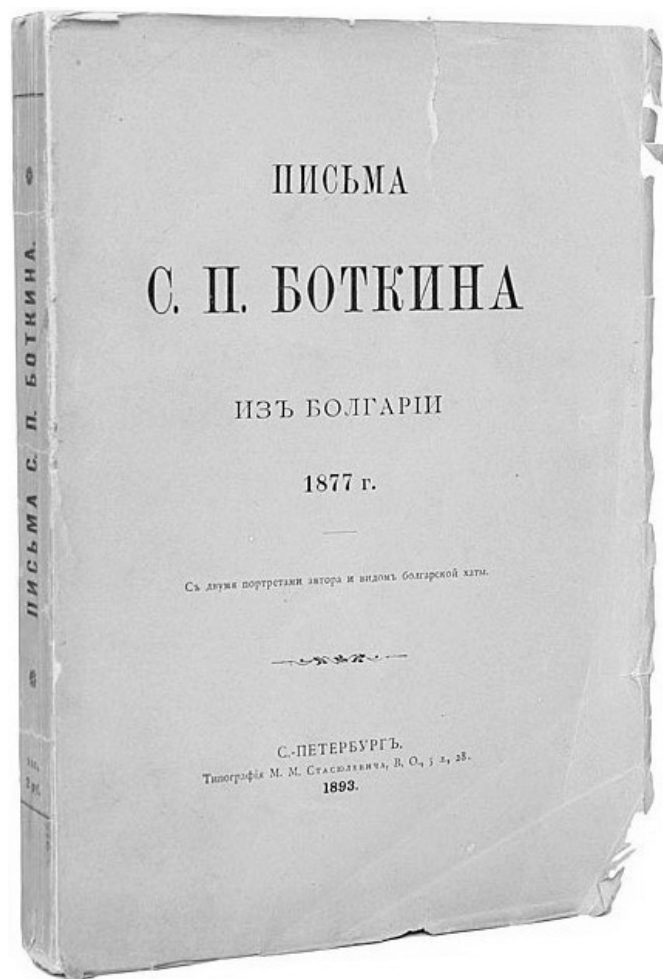

Рис. 1. Издание книги С. П. Боткина «Письма С. П. Боткина из Болгарии. 1877 г.» 1893 г.

Желание представить массовому читателю письма мужа, знаменитого русского врача и популярного в России общественного деятеля, могло возникнуть у вдовы на волне кампании по увековечению памяти С. П. Боткина. Уже через месяц после его кончины, в январе 1890 г., Санкт-Петербургская городская Дума предложила почтить память первого врача в своих рядах¹⁷, переименовав в честь С. П. Боткина новую городскую барачную больницу на Александровском плацу [6]¹⁸. Императрица Мария Федоровна «в виду заслуг лейб-медика по устройству врачебной части в Общине <Св. Георгия>» учредила в больнице одну постоянную койку в память С. П. Боткина, обеспечив ее собственными средствами. Еще одну «памятную» кровать в общи-

¹⁶ Известны более ранние письма С. П. Боткина к Екатерине Алексеевне, получившие последующую нумерацию уже ее рукой (Боткин С. П. Письма к Е. А. Мордвиновой, 1875 гг.) [Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Фонд С. П. Боткина. Ф. 98. Д. 7. 5 л.]

¹⁷ С 1881 по 1889 г. С. П. Боткин был гласным (депутатом) Санкт-Петербургской городской думы, членом и заместителем председателя думской Комиссии общественного здоровья.

¹⁸ С. П. Боткин стоял у истоков образования этой новейшей инфекционной больницы, в 1882—1889 гг. был ее попечителем по врачебной части.

не стали финансировать великие князья¹⁹. В здании самой Думы и во всех городских больницах было решено установить портреты профессора²⁰.

В 1870-е годы друзья и почитатели С. П. Боткина начали собирать деньги на создание образовательного учреждения. За два десятилетия было собрано 20 тыс. руб. [7]. Капитал хранился в семье и на банковских счетах, которыми управлял сам Боткин²¹. После его смерти возникла дискуссия о месте строительства — в Москве, где родился и учился С. П. Боткин, или в Санкт-Петербурге, где проходила его блистательная научная, преподавательская и клиническая деятельность²². Екатерина Алексеевна принимала активное участие в обсуждении. Она высказала идею построить в память С. П. Боткина именно школу и предложила место для нее «вблизи барачков, которые носят Серезино имя»²³. Легко представить, что на волне общественных инициатив у нее могло возникнуть стремление внести и свой личный вклад в сохранение памяти мужа. С. П. Боткин был, как сегодня можно сказать, медийной персоной: как ученый был популярен среди не только врачей, но и всей образованной интеллигенции, как лейб-медик императорской семьи — у населения с патриархальными чувствами, как гласный Санкт-Петербургской городской Думы — среди общественной и управленческой элиты столицы. Издать письма такого человека должно было казаться заманчивой перспективой: общество приходило в восторг от появлявшейся эпистолярной литературы. Имели большой успех недавно опубликованные письма знаменитых современников (Пушкина, Тургенева, Крамского).

Однако были и иные, довольно удручающие обстоятельства, напрямую затрагивавшие вдову. Семейная ситуация складывалась совсем не в русле, о котором мечтал покойный. В его большом доме не оказалось той библейской патриархальной идиллии, которую описывал Н. А. Белоголовый в биографическом очерке [8, с. 47]. С уходом из жизни отца семья быстро перестала быть одним целым («тот дух, так крепко связывавший всю... семью при папе, исчез после него»²⁴). Дети Сергея Петровича

¹⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 122 (Боткины-Гучковы). Ед. 212 (Боткина Е. А. Письма к П. П. Боткину, 1876—1890 гг.). Л. 134—134 об. (письмо от 20 марта 1890 г.).

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 122 (Боткины-Гучковы). Ед. 173 (Боткин М. П. Письма и телеграммы к П. П. Боткину семейно-бытового и делового характера, 1888—1890 гг.). Л. 131 об. (письмо от 29 апреля 1890 г.).

²¹ Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) (РО ИРЛИ). Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 1. Д. 264 (Боткина Е. А. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1886—1906. Л. 17 (письмо от 2 апреля 1891 г.).

²² РО ИРЛИ. Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 1. Д. 264 (Боткина Е. А. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1886—1906 гг.). Л. 7 (письмо от 7 декабря 1890 г.).

²³ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 122 (Боткины-Гучковы). Ед. 212 (Боткина Е. А. Письма к П. П. Боткину, 1876—1890 гг.). Л. 180 об. (письмо от 16 октября 1890 г.).

²⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 122 (Боткины-Гучковы). Ед. 163 (Боткин А. С. Письма к П. П. Боткину, 1873—1898 гг.). Л. 97 (письмо от 18 февраля 1892 г.).

История медицины

от первого брака разделились на два лагеря: на одной стороне были те, которые едва терпели мачеху, на другой — которые все-таки испытывали к ней искренние и теплые чувства, осознавая, что значила эта женщина для их отца [4]. Овдовев, Екатерина Алексеевна вынуждена была сама решать ряд значительных материальных вопросов: содержание городского особняка, дачи в Гатчине, имения в Культилле, на ней остались семеро несовершеннолетних детей. Потребовалось установить памятник на могиле, изъять из бюджета семьи завещанные мужем деньги на организацию женских врачебных курсов, оплатить расходы типографии за печать тиража последнего выпуска лекций²⁵ (проект предполагался убыточным и имел для С. П. Боткина только репутационное значение). Кроме того, уже в первые месяцы после смерти отца старшие дети С. П. Боткина от первого брака заявили о своей самостоятельности²⁶ и потребовали участия в оплате снимаемых ими квартир²⁷. Сразу же было решено продать дачу в Гатчине. Позднее, несмотря на желание покойного не делить дом, Екатерина Алексеевна была вынуждена выставить на продажу особняк на Галерной улице. Дом будет продаваться четыре года. Не гладко складывались у нее отношения и с братьями умершего мужа. С горечью она отмечала, что даже ее дети видят разное их отношение к потомству Сергея Петровича от первого и второго браков²⁸.

Деля имущество со старшими наследниками²⁹, Екатерина нуждалась в любой поддержке. Видимо, не раз в это психологически трудное время она перечитывала письма мужа из полугодовой болгарской разлуки. Обращения, нежные слова любимого возвращали ее в прошлую счастливую жизнь, становились душевной опорой, придавали уверенность в себе, в защите своих прав и общих малолетних детей³⁰ в большом клане Боткиных, напоминали о собственной значимости для покойного. Подчеркивая толстыми красными чертами места особо трепетного выражения его чувств, она словно доказывала всему неблагоприятному окружению, что именно *ей* писались столь обстоятельные, смелые,

Рис. 2. С. П. Боткин с женой Екатериной Алексеевной. Фотоателье «Левицкий и сын» (ориентировочно, 1876 г.).

полные размышлений на не частные темы письма. Солидный объем корреспонденции, объединенной темой войны, обсуждение общественных вопросов, неофициальный, критический взгляд на события, командование, чиновников военно-медицинского ведомства и Красного Креста [5], — все это делало комплект болгарских писем Боткина самостоятельным эпистолярным документом, интересным для публичного представления. Сугубо личная причина издать письма, а не мотив общественного характера, нам кажется более вероятной.

Сподвигнуть Екатерину Алексеевну на такое решение мог и информационный всплеск, связанный с именами членов семьи Боткиных. Так, в эти годы продолжало издаваться собрание литературного наследия В. П. Боткина, старшего брата С. П. Боткина. Первый из трех томов с «Письмами об Испании» и публицистическими статьями вышел в 1890 г. [9]. Несколько ранее, в 1886 г., был успешно издан альбом галереи живописи другого брата, московского коллекционера Д. П. Боткина [10]. Готовил описание своей коллекции и младший из братьев М. П. Боткин. В обществе помнился значительный успех его книги о художнике А. А. Иванове [11]. Екатерина Алексеевна держала свой проект в тайне:

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 122 (Боткины-Гучковы). Ед. 212 (Боткина Е. А. Письма к П. П. Боткину, 1876—1890 гг.). Л. 173 (письмо от 26 сентября 1890 г.).

²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 122 (Боткины-Гучковы). Ед. 212 (Боткина Е. А. Письма к П. П. Боткину, 1876—1890 гг.). Л. 140 (письмо от 20 мая 1890 г.). ОПИ ГИМ. Ф. 122 (Ф. Боткиных-Гучковых). Ед. 168 (Боткин Е. С. Письма и телеграммы к П. П. Боткину личного характера и об увековечивании памяти С. П. Боткина, 1891—1906 гг.). Л. 1 (письмо от 6 марта 1991 г.).

²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 122 (Боткины-Гучковы). Ед. 258 (Константинов А. П. Письма к П. П. Боткину делового характера и о жизни членов семьи С. П. Боткина в С.-Петербурге, 1890—1900 гг.). Л. 80 (письмо от 24 апреля 1892 г.).

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 122 (Боткины-Гучковы). Ед. 212 (Боткина Е. А. Письма к П. П. Боткину, 1876—1890 гг.). Л. 184 об. (письмо от 22 октября 1890 г.).

²⁹ Отдел рукописей Государственного Русского музея (ОР ГРМ). Фонд М. П. Боткина. Ед. 57 («Боткина Е. А.» Опись имущества С. П. Боткина, стоимость его и распределение между наследниками. Черновик в 2-х экз. 1889 г.). 9 л.

³⁰ В год смерти С. П. Боткина общим с Екатериной шестерым детям было 14, 9, 6, 5 лет, 3 года и 1 год.

ни в ее письмах к московским родственникам мужа, ни в письмах детей С. П. Боткина к ним же, ни в переписке братьев Михаила и Петра Боткиных, ни в донесениях А. П. Константинова — представителя Санкт-Петербургского офиса семейной чаеоторговой фирмы — к ее главе, П. П. Боткину, нет никакой информации о готовящейся публикации. Не звучит этот мотив в письмах ни детей, ни братьев С. П. Боткина.

Таким образом, мы предлагаем две версии мотива публикации писем. Сложно сказать, какой из них для вдовы стал главным. Екатерина Алексеевна была единомышленником своего мужа. В то же время она оказалась в непростой, но хорошо понятной житейской обстановке, с ощутимыми материальными затруднениями и психологически тяжелой ситуацией в семье.

Договоренность была достигнута с Михаилом Матвеевичем Стасюлевичем, редактором и издателем «Вестника Европы» — одного из самых популярных российских толстых журналов, известным общественным деятелем. Политическим идеалом издания была конституционная монархия — «социальный либерализм». Издание было рассчитано на интеллигенцию и к началу 1890-х годов имело значительный тираж — около 7 тыс. экземпляров [12]. Возможность представить обществу письма известного отечественного деятеля, лейб-медика царской семьи, очевидного монархиста, но отличавшегося передовыми (критическими) взглядами на институты власти [5], встретила энтузиазм редактора.

Публикацию готовили к первой годовщине кончины С. П. Боткина. Из обращения к управляющему редакционной конторой А. Н. Пыпину становится ясно, что издатель обещал Екатерине Алексеевне начать «печатать письма С.<ергея> П.<етровича> в октябрьской книге», выделяя под этот проект по два печатных листа в каждом номере³¹. Из-за большого объема материала планировали продолжить и на следующий год. Такой тактикой — через поддержание интереса читателя — традиционно обеспечивался коммерческий успех новогодней подписки [12]. Это подчеркивает, что М. М. Стасюлевич рассматривал письма С. П. Боткина как значительное литературное событие.

Однако подготовительная работа затянулась. У Боткина был трудночитаемый почерк, поэтому Екатерине Алексеевне пришлось готовить наборную рукопись, переписывая письма своей рукой. Даже она иногда оказывалась в затруднении. Так, с отправлением в типографию текста вдова признавалась: «Вы найдете два листа оригинала, где красным карандашом подчеркнуты те слова, которые я не могла разобрать»³².

В середине декабря 1890 г., когда была выполнена брошюровка тетрадей для первого номера (на два месяца позже запланированного срока), в доме на Галерной произошло событие, изменившее ее планы. Екатерина Алексеевна попросила о безотлагательном разговоре с издателем. Стасюлевич был этим явно встревожен: «Многоуважаемая Екатерина Алексеевна, всегда готов быть у Вас с удовольствием, а по такому случаю — приеду даже если бы был болен»³³. На встрече привезли типографские листы с первыми письмами. Представив после кому-то из близких свой проект, Екатерина сообщила о желании расторгнуть договоренность: «Многоуважаемый Михаил Матвеевич, взволнованная *тем разговором, который произошел при Вас сегодня у меня в кабинете*³⁴, я собрала нескольких друзей и прочла им те 16 писем, которые напечатаны. Все до одного восстали против печатания в данное, еще слишком близкое время со столь еще свежей в памяти всех о деятельности Сергея Петровича и упростили меня сделать крайне для меня трудный шаг относительно Вас — просить выключить письма Сергея Петровича из книжки январской»³⁵. Кто был участником той встречи со Стасюлевичем и повлиял на решение Екатерины Алексеевны, пока не выяснено. Ее сообщение о том, что она собрала для обсуждения «несколько друзей», а не, скажем, «других друзей», позволяет думать, что участником встречи со Стасюлевичем и одновременно оппонентом, имевшим право голоса, выступил кто-то из членов ее семьи: «...Я не ожидала в среде близких встретить такую критику и просто боялась за последствия...»³⁶. Полагаем, что им мог быть кто-то, особенно переживающий за нее, возможно, ее сестра Зоя Алексеевна (в замужестве Родзянко).

Понятно, что решение Екатерины не могло объясняться недостаточной подготовкой текста, так как к этому времени содержание было тщательно проработано. Интимные и семейные фрагменты она удалила сама. Можно быть уверенным и в том, что М. М. Стасюлевич, редактор либерального журнала, постоянно находившегося под угрозой закрытия [12], не пустил в печать и политически провокационный, цензурно ненадежный материал.

Как видно, первые боткинские письма для всего журнального тиража готовились к брошюровке без окончательного утверждения публикатора. Редактор не посчитал нужным согласовать с Екатериной Алексеевной текст, предоставленный ею же ранее. Об этом позволяет судить фраза одного из последующих писем Екатерины: «...Вышло какое-то недоразумение... Я тоже предполагала, что Вы мне да-

³³ РО ИРЛИ. Д. 4924 (Стасюлевич М. М. Письма к Е. А. Боткиной). Л.1 (письмо от 7 декабря 1890 г.).

³⁴ Здесь и далее курсив авторов статьи.

³⁵ РО ИРЛИ. Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 1. Д. 264 (Боткина Е. А. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1886—1906 гг.). Л. 11 об. (письмо от 17 декабря 1890 г.).

³⁶ РО ИРЛИ. Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 1. Д. 264 (Боткина Е. А. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1886—1906 гг.). Л. 15 об. (без даты; ориентировочно 18—19 декабря 1890 г.).

³¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Фонд А. Н. Пыпина. Ф. 621. Д. 840 (Стасюлевич М. М. Письма к А. Н. Пыпину. Париж, Динар и др. 1890 г.). Л. 3 об. (письмо от 16/28 июня 1890 г.).

³² РО ИРЛИ. Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 1. Д. 264 (Боткина Е. А. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1886—1906 гг.). Л. 5 (письмо от 25 сентября 1890 г.).

История медицины

дите все³⁷ имеющиеся у Вас в руках письма в кор- ректурных листках и тогда собрав *детей и друзей* при совместном чтении, получив более полное впечатление, тех из 16 писем³⁸, не спеша обсудить редакцию писем, что выкинуть и что оставить, тогда их и напечатать».

Екатерина Алексеевна почувствовала в издании частных писем опасность, которая затрагивала не публичное имя ее мужа (известного врача, общественного деятеля, профессора), а некую сакральную для них обеих сторону: «Вы конечно не сомневаетесь, что мне в высшей степени тягостно и неприятно ставить себя в настоящее положение перед Вами, но несмотря на всю тягость, мне невыносимо тяжело подумать только, что хоть один голос может повторить, то что Вы слышали вместе со мною. Имя Сергея Петровича для меня *свято* и я легко относиться к нелестным отзывам не могу, поэтому *безоговорочно* решаюсь *до поры до времени* не печатать его письма».

Что же могло насторожить в профессионально подготовленном материале? Мы склоняемся к выводу, что угрозу 41-летняя вдова увидела в том, что публикация косвенно могла напоминать об истории тайных отношений и двойной жизни С. П. Боткина и Екатерины Алексеевны в первые годы знакомства [3]. Связь зрелого, женатого мужчины, служившего при дворе, и молодой, холеричной представительницы знатного рода, но отвергнутой светским обществом из-за строптивости и анархических взглядов [4, с. 296—298], не оставляла в покое ни родственников, ни окружение. После смерти первой супруги Боткину было нелегко решиться создать вторую семью³⁹. Это чувствуется и по обмолвкам о братьях в болгарской переписке⁴⁰, и по сторонним свидетельствам [13, 14, 15, с. 24]⁴¹. Даже спустя 15 лет после заключения этого брака его инородность в глазах петербургского света красноречиво характеризует восклицание Александра III: «Зачем С.<ергей> П.<етрович> женился на ней?»⁴². Показательно и то, что Екатерина Алексеевна не получила официального соболезнования императорской семьи, а пенсия за заслуги по утрате кормильца была

назначена малолетним детям, а не вдове, как принято было в таких случаях («случай беспримерный и я не могу счесть его иначе как <за> вторую гру- бость»)⁴³.

Разумеется, если бы издательский проект Екатерины Алексеевны объяснялся мемориальной целью, уверенности довести дело до конца было бы больше. Напротив, мотив осознанной или подсознательной самозащиты допускает большую вероятность сомнений в верности своего решения. Последнее объяснение чувствуется по подтексту письма к издателью, в котором Екатерина Алексеевна не называет причину открыто, ограничиваясь пространством до- водом, что от публикации выйдет «опасное дело, для имени Сергея Петровича и масса неприятностей в будущем лично мне»⁴⁴.

Заметим, что на ее настроение могла повлиять и обстановка в литературном мире. В начале 1889 г. все в том же «Вестнике Европы» появилась резонансная статья И. А. Гончарова «Нарушение воли», в которой знаменитый литератор резко выступил против посмертных публикаций частных писем: «Пусть письма мои остаются собственностью тех, кому они писаны, и не переходят в другие руки, а потом предаются уничтожению» [16]. Категоричность требования была ответом на бесцеремонную с точки зрения общественной морали огласку деталей частной жизни недавних современников, а также затрагивание имен еще живых корреспондентов [17, с. 357—358]. При знакомстве с этой публикацией хорошо представляется, как Боткина могла легко уверовать в то, что ее деятельность становится «нарушением воли» покойного мужа «не печатать ничего», что он не опубликовал сам при жизни.

Екатерина Алексеевна понимала, что наносит убыток издательству, и заверила, что «все матери- альные издержки, которые повлечет за собою выре- зание этой статьи в январском номере, в особое мне одолжение в виду наших близких и дружеских от- ношений, я усердно прошу Вас дать мне воспол- нить...»⁴⁵. На этом письме имеется помета рукой Стасюлевича: «11 ч. веч.<ера> отв.<етил> со- глас.<ием>»⁴⁶. Памятным артефактом его решения остался январский выпуск 1891 г. журнала «Вестник Европы»⁴⁷, в нумерации которого отсутствуют стра- ницы со 123-й по 158-ю.

Понадобилось 2 года, чтобы Екатерина Алексеев- на вернулась к своему прежнему плану. Допускаем,

³⁷ Подчеркнуто в рукописи.

³⁸ Имеются в виду те письма, которые составили материал для первого номера журнальной публикации.

³⁹ ОР РНБ. Фонд С. П. Боткина. Ф. 98. Д. 7 (Боткин С. П. Письма к Е. А. Мордвиновой, 1875 г.). 5 л.

⁴⁰ Отдел истории медицины Национального научно-иссле- довательского института организации здравоохранения имени Н. А. Семашко (ОИМ ННИИОЗ). Боткин С. П. Письма к Е. А. Боткиной, Болгария, 1877 г. Письмо от 10 августа 1877 г.

⁴¹ В одном из писем к брату Михаилу перед женитьбой С. П. Бот- кин с горечью сообщил, что о его планах жениться «...теперь знает уже весь город. Маша Полотебнова <родная сестра первой жены Боткина, была замужем за профессором ИМХА дерматологом А. Г. Полотебновым, научным последователем Боткина> после известия не выходит почти из припадков истерики» [РО ИРЛИ. Фонд М. П. Боткина. Ф. 365. Оп. 1. Ед. хр. 13/1 (Боткин С. П. Пись- ма к М. П. Боткину, 1874—1889 г.). Л. 26 (письмо от 10 апреля 1876 г.)].

⁴² ОПИ ГИМ. Ф. 122 (Боткины-Гучковы). Ед. 173 (Боткин М. П. Письма и телеграммы к П. П. Боткину семейно-бытового и делово- го характера, 1888—1890 г.). Л. 150 (письмо от 18 июля 1890 г.).

⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 122 (Боткины-Гучковы). Ед. 212 (Боткина Е. А. Письма к П. П. Боткину, 1876—1890 г.). Л. 153 (письмо от 13 июня 1890 г.).

⁴⁴ РО ИРЛИ. Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 1. Д. 264 (Бот- кина Е. А. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1886—1906 г.). Л. 12—12 об. (письмо от 17 декабря 1890 г.).

⁴⁵ РО ИРЛИ. Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 1. Д. 264 (Бот- кина Е. А. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1886—1906 г.). Л. 12—13 (письмо от 17 декабря 1890 г.).

⁴⁶ РО ИРЛИ. Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 1. Д. 264 (Бот- кина Е. А. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1886—1906 г.). Л. 11 (письмо от 17 декабря 1890 г.).

⁴⁷ С электронной версией архива «Вестника Европы» можно озна- комиться на сайте Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина (Санкт-Петербург): <https://www.prlib.ru/section/684601>.

что толчком на этот раз стало обращение давнего друга семьи Н. А. Белоголового. Проживая в те годы в швейцарской Лозанне, уже не занимаясь врачебной практикой [18, с. XVIII], отойдя от своего собственного издательского проекта⁴⁸, он взялся за написание биографического очерка о С. П. Боткине: «Издатель Павленков⁴⁹ обратился ко мне с предложением составить биографию Сережи для издаваемой им „Биографической Библиотеки“; я согласился с удовольствием, потому что работа эта очень мне по душе, да и свободного времени в изобилии». Сегодня по содержанию очерка видно, что при его составлении Белоголовый использовал свою многолетнюю переписку с другом. Но значимый для биографии болгарский этап не был отражен в этой корреспонденции: находясь на войне, С. П. Боткин не писал никому, кроме своей жены. Поэтому автор обратился к Екатерине Алексеевне с просьбой помочь документальными сведениями, касающимися именно этого периода: «Дав согласие, — продолжает он, — я струсил, что не совладаю с задачей и что у меня не хватит фактического материала, так как приходится черпать его почти исключительно из своей памяти и из сохранившихся у меня писем, не имея под руками для справок и проверки никаких источников, ни живых, ни мертвых... Не можете ли Вы послать мне письма, из корректуры, Сережи к Вам во время войны и которые Вы хотели печатать? Я их пробегу и тотчас же верну Вам их обратно в сохранности; даю Вам слово, что перепечатывать их ни под каким видом не стану; нужны мне они только для восстановления хронологии и, может быть, осветить мне кой-какие частности этой поездки...»⁵⁰. На этом материале Н. А. Белоголовый планировал показать демократизм взглядов С. П. Боткина, его гуманистическую устремленность. В окружении семьи было памятно, как лейб-медик императора, следуя своему профессиональному интересу, посещал госпитали и лазареты для солдат, проводил осмотры, консультировал молодых врачей, участвовал во вскрытиях, лично оказывал медицинскую помощь.

Екатерина выслала типографский отиск писем для первого журнального номера. Однако после знакомства с текстом Н. А. Белоголовый сделал заключение о невозможности использовать материал, посчитав его малозначительным («слишком частным эпизодом жизни Сережи и <который> не должен занять место в такой краткой биографии, какие дает издание Павленкова»)⁵¹. Повествование в нем заканчивалось событием 1 июля 1877 г., когда Глав-

ная квартира только вступила на болгарский берег Дуная. Информации о крупных сражениях, их медицинском обеспечении здесь не оказалось. Перемещения императора, заметки этнографического, антропологического характера не представляли интереса для Белоголового. Кроме того, бросались в глаза восторженные отзывы автора о начатой войне⁵² [3, с. 376]. Это должно было вызывать протест у человека, отличавшегося антиправительственными взглядами [19].

Не обнаружив нужных сведений, Н. А. Белоголовый вновь обратился к Екатерине Алексеевне с просьбой выписать из оставшейся рукописи «наиболее яркие отрывки, где говорится о лазаретах, о посещениях их, о его личной деятельности во время войны...»⁵³. Отсюда становится понятным, что цитаты для биографического очерка Н. А. Белоголового [8, с. 52—4] были подобраны самой Екатериной Алексеевной.

К этому времени в Санкт-Петербургскую городскую Думу уже поступил архитектурный проект мемориальной школы С. П. Боткина, была составлена смета [20, 21], выделена земля на Васильевском острове, а 30 мая 1891 г. торжественно состоялась закладка фундамента здания. Дело контролировалось комиссией по народному образованию (Училищной комиссией), председателем которой был М. М. Стасюлевич. Последний, видимо, приложил много усилий, чтобы этот проект реализовался. Таким образом, очередная волна публичной активности, возникшая вокруг имени покойного супруга, личное участие М. М. Стасюлевича в продвижении строительства школы⁵⁴, очерк, готовившийся в книжной серии «Жизнь замечательных людей», не оставили Екатерину Алексеевну безучастной и вынудили ее вернуться к прежнему решению.

Подготовленный к печати эпистолярный приобрел форму поденного дневника, для которого предлагался подзаголовок «путевой дневник»⁵⁵. Сравнение оригинала, сохранившихся фрагментов наборной рукописи, редакторской корректуры и окончательной журнальной версии показало, что работа с

⁴⁸ ФБ ВМА. Фонд С. П. Боткина. Ф. XV. Ед. хр. 10. № 4 (Белоголовый Н. А. Письма к Е. А. Боткиной). Л. 1 (письмо без даты, ориентировочно октябрь 1891 г.).

⁴⁹ Из-за дипломатических провалов России при заключении Сан-Стефанского договора и на Берлинском конгрессе (1878) русско-турецкая война 1877—1878 гг. утратила в обществе свою первоначальную популярность. Во всех слоях общества эта кампания воспринималась как поражение. Давать какие-либо хвалебные отзывы о ней было не принято.

⁵⁰ ФБ ВМА. Архив С. П. Боткина. Ф. XV. Ед. хр. 10. № 4 (Белоголовый Н. А. Письма к Е. А. Боткиной). Л. 1 об. (письмо № 2, от 26 сентября <1891 г.>).

⁵¹ О значительном и, возможно, решающем вкладе М. М. Стасюлевича в доведение до конца строительства «школы Боткина» указывается в благодарственном письме М. П. Боткина [РО ИРЛИ. Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 259 (Боткин М. П. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1892—1908 гг.). Л. 1 (письмо от 29 сентября <1892 г.>)].

⁵² РО ИРЛИ. Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 3. Ед. хр. 36 (Наборная рукопись и типографский отиск «Писем С. П. Боткина из Болгарии. 1877» с редакторской корректурой из мартовского выпуска «Вестника Европы» 1892 г. <Письма № 25—27>). 45 л.

⁴⁸ Н. А. Белоголовый был редактором эмигрантской газеты «Общее дело», которая переняла инициативу герценовского «Колокола» после прекращения его существования.

⁴⁹ Флорентий Федорович Павленков (1839—1890) — издатель книжной серии «Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова», которая начала выходить в свет с 1890 г. Речь идет о биографическом очерке [8].

⁵⁰ Фундаментальная библиотека Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (ФБ ВМА). Фонд С. П. Боткина. Ф. XV. Ед. хр. 10. № 4 (Белоголовый Н. А. Письма к Е. А. Боткиной). Л. 1 об. — 2 (письмо от 29 сентября <1891 г.>).

История медицины

текстом шла тремя итерациями. Екатерина Алексеевна составляла наборную рукопись, удаляя интимные и семейные фрагменты переписки [3]. Такие эпизоды, как правило, выделены в автографе косыми чертами красными чернилами. Заметим, что в издании они часто не отмечены отточиями, почему в большинстве случаев нет понимания, где расположены купюры. М. М. Стасюлевич проверял уже типографскую версию, удаляя или сглаживая политически опасные формулировки. На сохранившихся в архиве М. М. Стасюлевича типографских редакторских листах имеются участки текста, вычеркнутые синим карандашом. Окончательный вариант снова читала и утверждала Екатерина. В августе 1892 г. М. М. Стасюлевич сообщал управляющему издательством, что корректура писем для октябрьского номера им уже просмотрена, однако просил «не сдавать их в типографию, так как должен ожидать возвращения в город Боткиной»⁵⁶. Сравнение публикации с рукописью обнаружило, что при издании было удалено более $\frac{1}{3}$ оригинального текста⁵⁷. Большая часть купюр, касавшихся частного, семейного материала, была сделана лично Екатериной Алексеевной, а меньшая — редактором в соответствии с требованиями политкорректности того времени. Имея представление обо всем автографе, заметим, что с позиции требований И. А. Гончарова окончательный текст был безупречен для публичного представления.

В марте 1892 г. «Вестник Европы» начал печатать «Письма из Болгарии, 1877 г.» С. П. Боткина. Однако и на этом этапе не обошлось без препятствия, но теперь уже официального характера. Журнал издавался без предварительного утверждения, но за несколько дней до выхода каждый номер представлялся для утверждения в Санкт-Петербургский цензурный комитет [12]. «...Цензурный Комитет <...> распорядился задержать все экземпляры октябрьской книги. Виною того, между прочим, «Письма Боткина», завтра решится судьба наша окончательно...», — сообщает М. М. Стасюлевич одному из своих корреспондентов (письмо к А. М. Жемчужникову — автору Козьмы Пруткова — от 29 сентября 1892 г.) [22, с. 366]. По донесению цензора видна причина его недовольства: «В октябрьской книге „Вестника Европы“ в помещенных письмах Боткина из Болгарии крайне резко порицаются все действия главного штаба действующей армии. Боткин развивает мысль, что все беспорядки, весь ужас Плевненского сидения, постоянные голодовки солдат, огульное воровство — все имеет главным своим источником бездарность, тупость и наглость штабных... начальник штаба приравнен ослу Керимке. Государя обманывали на каждом шагу, никто не смеет открыть ему глаза. Придворный этикет, по мнению

доктора, „убивает прямоту“. Принимая во внимание, что события прошлой турецкой кампании слишком недавние по времени, что мнение г. Боткина роняет престиж всей русской армии, цензор полагал бы положительно неудобным помещение означенных писем в широко распространенном журнале, в том виде, по крайней мере, в каком они редактированы в октябрьской книге. <...> 26 Сентября 1892 г. Цензор С. И. Коссович»⁵⁸. Правительственное ведомство имело право задерживать ежемесячные журналы до четырех дней для вынесения решения [23, с. 158]. В резолюции, появившейся два дня спустя, указано, что «Г.<осподином> Председательствующим был делаем личный доклад начальнику Главного управления по д.<елам> п.<ечати> и книжку журнала положено выпустить с сокр.<ащениями>. 28 Сентября 1892 г. Цензор Н. Пантелеев». Тем не менее письма были опубликованы с купюрами преимущественно личного содержания. Положение печати в стране определялось не содержанием действующего закона, а текущей внутривластной обстановкой [24, с. 42]. Столь неожиданное решение можно объяснить известной неприязнью Александра III к ряду деятелей предыдущего царствования, в частности, к великому князю Николаю Николаевичу — старшему и его окружению [25]. Бывший главнокомандующий к тому времени уже 2 года как скончался. Дело благополучно продолжилось, и публикация была завершена к концу 1892 г.

Видно, что подготовка издания не только потребовала от редактора повышенного внимания, но и стоила ему немалых переживаний. Даже год спустя в его личной переписке появляется отсылка к их содержанию: «Не знаю, добрейший Анатолий Федорович, с которого конца и начать, — читаем в обращении М. М. Стасюлевича к его постоянному корреспонденту, знаменитому юристу А. Ф. Кони. — Не начать ли так, как покойный С.<ергей> П.<етрович> начинал все свои письма: барометр — veränderlich⁵⁹; термом.<етр> +18° R. в тени; небо — облачно» (письмо от 25 июля 1893 г.) [22, с. 459].

С «Письмами...» предполагалась уже отработанная в издательском деле практика. Сначала шла журнальная публикация, а затем с помощью того же типографского набора печаталась вся книга. Это значительно сокращало расходы и страховало от убытков на случай запрещения уже напечатанной и переплетенной книги [12, с. 39]. Похоже, Екатерина была воодушевлена работой, поскольку сама предложила добавить несколько документов, по тематике связанных с войной. «Многоуважаемый Михаил Матвеевич, посоветуйте, как поступить: печатать ли только те письма, которые были помещены в „Вест-

⁵⁶ ОР РНБ. Фонд А. Н. Пыпина. Ф. 621. Ед. хр. 842 (Стасюлевич М. М. Письма к А. Н. Пыпину. Карлсбад, Булонь и др. 1892). Л. 16 (письмо от 5 (17) августа 1892 г.).

⁵⁷ Компьютерный анализ текста показал, что купюры составили 38% всего объема автографа.

⁵⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Архив Санкт-Петербургского цензурного комитета. Ф. 777. Оп. 2. 1865 г. Д. 102 б (Дело по изданию журнала «Вестник Европы» по выходе оно без предварительной цензуры). Л. 179—180 (Доклад цензора С. И. Коссовича о невозможности допустить опубликование писем и справка о разрешении Главного управления по делам печати выпуска журнала в свет).

⁵⁹ Переменно (нем.).

нике Европы“ или предпослать отрывки писем из Кишинева, которые Вам при сем посылаю для прочтения...»⁶⁰, — речь идет о нескольких письмах апреля 1877 г., когда лейб-медик сопровождал императора в поездке для объявления войны с Турцией.

Уже через 3 месяца, 24 мая 1893 г., М. М. Стасюлевич выслал Е. А. Боткиной только что вышедшую книгу⁶¹. Досадно, что редактор, предприняв отдельное издание, не поручил кому-либо составить вступительную статью и комментарии. Такая практика не была обязательна, а многие из-за близости времени хорошо представляли, о каких событиях и о ком идет речь.

Книга была выпущена в двух вариантах — экономном (на обычной бумаге, в мягкой обложке) и подарочном (на веленовой бумаге, в плотном переплете). Сведения о тираже не обнаружены. Цена в мягкой обложке составляла 2 руб., что было обычным для книги такого объема. Екатерина, часто бывая в эти годы в Европе, вероятно, много времени проводила в обществе, поскольку обратилась в типографию с просьбой выслать книги в дорогом издании: сначала в количестве 25, затем 50, а позднее 100 экземпляров⁶². Показательно, что на публикацию не последовало ни одного отзыва. В июньском выпуске 1893 г. «Вестника Европы» на третьей странице обложки в разделе «Библиографический листок» была дана краткая аннотация книги.

Спустя полгода (ноябрь 1893 г.) все из той же переписки узнаем, что «Письма...» бестселлером не стали. Для российского общества были унизительны дипломатические итоги последней войны [26]. Династия Романовых утратила былую популярность. В 1890—1891 гг. в стране разразился небывалый неурожай, за которым последовал массовый крестьянский голод. Это вызвало новый общественный подъем и всплеск интереса к внутривосточной обстановке [27, с. 307]. Многие были увлечены идеей революционной борьбы. Николай Семашко, бывший в те годы студентом-медиком, вспоминал, что большую часть учащейся молодежи и интеллигенции отличало протестное настроение [28, с. 293]. Прежние либеральные идеи уже никого не устраивали. Боткин однажды произнес, что жил в «своем времени» [29]. Это время безвозвратно ушло после трагического 1881 г. и последовавших контрреформ Александра III. Автор теперь уже не был «героем настоящего времени», как в 1860—1870-е годы. Деятели со сходными взглядами уходили из жизни, а новые, занимавшие их места, отличались иным, подчас радикальным мировоззрением. Эпистолярное произведение, в котором царский лейб-медик,

демонстрируя монархическую приверженность, говорил о все тех же причинах неудач русской армии в русско-турецкую войну 1877—1878 гг., что и в Крымскую кампанию 1854—1855 гг. [5], не нашло отклика у соотечественников.

Отсутствие спроса на книгу не позволило Екатерине Алексеевне покрыть расходы издательства в срок. «Не знаю, как идет продажа „Писем...“ и сколько я Вам еще состою должна за их напечатание», — спрашивала Екатерина Алексеевна год спустя после выхода книги и, чтобы рассчитаться, предложила Стасюлевичу переиздать ранние выпуски боткинских лекций, которые к тому времени уже стали библиографической редкостью: «Я желаю издать кроме *последних трех выпусков* лекций, первые выпуски, которых совсем нет в продаже. <...> У Сергея Петровича в библиотеке, принадлежащей теперь Сергею Сергеевичу⁶³, есть экземпляр этих первых выпусков лекций, составленных самим Сергеем Петровичем, и Сергей Сергеевич обещал дать этот экземпляр в Вашу типографию для напечатания нового выпуска. <...> С напечатанием всех лекций в двух томах — они быстрее разойдутся, т. к. часто спрашиваются первые лекции, которые в продаже ни за какую цену найти нельзя»⁶⁴. На складе типографии тираж издания числился еще 5 лет [30]. Остается только догадываться, каким образом была урегулирована коммерческая сторона дела и кто покрыл расходы, поскольку первая посмертная публикация лекций С. П. Боткина состоялась лишь в 1899 г. и в другой типографии. Имея представление о благородстве М. М. Стасюлевича [12], легко представить, что издательство само покрыло убыточный проект.

Работа выполнена частично за счет гос. задания по НИОКТР № 121060800163-8.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторы благодарят директора Музея-института семьи Рерихов канд. физ.-мат. наук А. А. Бондаренко за предоставленную фотографию и право ее безвозмездной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боткин С. П. Письма из Болгарии 1877 г. *Вестник Европы*. 1892;(3—6):10—2.
2. Боткин С. П. Письма С. П. Боткина из Болгарии 1877 г. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича; 1893. 374 с.
3. Журавский С. Г. Личность и частная жизнь С. П. Боткина (по материалам купюр «Писем С. П. Боткина из Болгарии 1877 г.»). *История медицины*. 2017;4(4):374—92. doi: 10.17720/2409-5583.t4.4.2017.02b
4. Журавский С. Г. Семья в жизни Сергея Петровича Боткина. Альманах истории медицины: неизвестные и спорные страницы». Под ред. В. И. Бородулина, Б. С. Каганова. Вып. 2. М.: Династия; 2019. С. 282—308.
5. Журавский С. Г. С. П. Боткин как критический монархист (по материалам писем С. П. Боткина из Болгарии. 1877 г.). *Вопросы истории*. 2021;(7—1):133—57. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202107Statyi13
6. Об увековечении памяти покойного гласного С. П. Боткина (Доклад соединенного присутствия городских исполнитель-

⁶⁰ РО ИРЛИ. Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 1. Д. 264 (Боткина Е. А. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1886—1906 гг.). Л. 25—25 об. (письмо от 1 марта 1893 г.), Л. 28 (письмо от 17/29 Мая 1893 г.).

⁶¹ Запись на письме Е. А. Боткиной об отправке книг [РО ИРЛИ. Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 264 (Боткина Е. А. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1886—1906 гг.). Л. 27 (письмо от 17/29 Мая 1893 г.).

⁶² РО ИРЛИ. Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 1. Д. 264 (Боткина Е. А. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1886—1906 гг.). Л. 25 (письмо от 1 марта 1893 г.), Л. 28 (письмо от 17/29 Мая 1893 г.).

⁶³ Боткин Сергей Сергеевич (1859—1910) — старший сын С. П. Боткина от первого брака.

⁶⁴ РО ИРЛИ. Архив М. М. Стасюлевича. Ф. 293. Оп. 1. Д. 264 (Боткина Е. А. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1886—1906 гг.). Л. 39—40 об. (без даты; отмечено адресатом, что получено 22 февраля 1894 г.).

История медицины

- ных комиссий санитарной и больничной от 29 января 1890 г. и заключение городской Управы от 13 марта 1890 г. *Известия Санкт-Петербургской городской думы*. 1890;97:651—60.
7. Доклад соединенного присутствия городских исполнительных комиссий санитарной и больничной. *Известия Санкт-Петербургской городской думы*. 1890;100(9):1059—60.
 8. Белоголовый Н. А. С. П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность: Биографический очерк. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлик; 1892. 79 с.
 9. Боткин В. П. Сочинения Василия Петровича Боткина: В 3 т. СПб.: Журн. Пантеон литературы; 1890—1893. Т. 1—3.
 10. Боткин Д. П. Альбом Галереи Д. П. Боткина (в Москве). СПб.: 1886.
 11. Александр Андреевич Иванов: Его жизнь и переписка 1806—1858 гг. [с биогр. очерком М. П. Боткина]. СПб.: Изд. М. Боткина; 1880. 478 с.
 12. Кельнер В. Е. Человек своего времени. СПб.: 1993. 316 с.
 13. Салтыков К. М. Интимный Щедрин. Москва — Петроград; 1923. 80 с.
 14. Горбунова Ю. А. 1874—1878 гг. в Ливадии. Записки Ю. А. Горбуновой (Продолжение). *Наша старина*. 1914;(11):993—1008.
 15. Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. Составление, подготовка текста и примечания Л. И. Шохина. М.: Индик; 2001. 735 с.
 16. Гончаров И. А. Нарушение воли. Собрание сочинений в 8 т. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, письма. М.; 1980. С. 164—83.
 17. Лошиц Ю. Гончаров. М.: Молодая гвардия; 1986. 367 с.
 18. Джаншиев Гр. Д-р Н. А. Белоголовый. В кн.: Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М.; 1897. С. X—XXI.
 19. «Общее дело» и его закусочный редактор». Предисловие и публ. С. А. Макашина. Литературное наследство. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860—1890. Т. 87. М.: Наука; 1977. С. 429—41.
 20. Доклад комиссии по народному образованию «О сооружении городского дома С. П. Боткина для целей начального народного образования» (11 февраля 1891 г.). *Известия Санкт-Петербургской городской думы*. 1891;101(9):675—80.
 21. Стасюлевич М. М. Из отчета о постройке городского дома С. П. Боткина для двух начальных народных училищ. *Известия Санкт-Петербургской городской думы*. 1892;108(31):71—2.
 22. Патрушева Н. Г. Цензурные учреждения и цензоры в государственной системе пореформенной России. В кн.: Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сборник статей. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2012. С. 148—74.
 23. Патрушева Н. Г. Цензура в России во второй половине XIX — начале XX в.: законы и практика. В кн.: Цензура в России в конце XIX — начале XX века. Сборник воспоминаний. СПб.; 2003. С. 42.
 24. Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке. Т. IV. СПб.; 1912.
 25. Кудрина Ю. В. Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Федоровны. *Вопросы истории*. 2000;(4—5):111—35.
 26. Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801—1914 гг.: в 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855—1894. М.; 2018. С. 298—370.
 27. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М.: Мысль; 1970. 444 с.
 28. Семашко Н. А. Избранные произведения. М.; 1954.
 29. Убийей С. П. Боткина. СПб.: Тип. П. И. Шмидта; 1882. 24 с.
 30. Каталог изданий Книжного магазина типографии М. М. Стасюлевича № 3—12. СПб.; 1898.
 - 2017;4(4):374—92. doi: 10.17720/2409-5583.t4.4.2017.02b (in Russian).
 4. Zhuravskii S. G. Family in the life of Sergey Petrovich Botkin. Medical history almanac: unknown and controversial pages [Sem'ya v zhizni Sergeya Petrovicha Botkina. *Almanakh istorii meditsiny: neizvestnyie i spornyie stranitsy*] Ed. by V. I. Borodulin, B. S. Kaganov. 2nd ed. Moscow: Dinastiya; 2019. P. 282—308 (in Russian).
 5. Zhuravskii S. G. Botkin as a critical royalist (based on Letters of S. P. Botkin from Bulgaria, 1877). *Voprosy istorii*. 2021;(7). doi: 10.31166/VoprosyIstorii202107Statyi13 (in Russian).
 6. In commemoration of the deceased deputy S. P. Botkin. (Joint city executive sanitary and hospital committees report January 29, 1890 and the city council opinion March 13, 1890). *Izvestiua Sankt-Peterburgskoy gorodskoy dумы*. 1890;97 March:651—60 (in Russian).
 7. Joint city executive sanitary and hospital committees report. *Izvestiua Sankt-Peterburgskoy gorodskoy dумы*. 1890;100(9):1059—60 (in Russian).
 8. Belogoloviy N. A. S. P. Botkin, his life and medical activity. Biographical sketch [S. P. Botkin, ego zhizn' i vrachebnaya deyatelnost': *Biogr. ocherk d-ra N. A. Belogolovogo*]. St Petersburg: Yu. N. Erlik; 1892. 79 p. (in Russian).
 9. Botkin V. P. Works by V. P. Botkin. Vol. 1—3. *Saint Petersburg: magazine «Panteon Literaturny»*. 1890—1893. 3 v. (in Russian).
 10. Botkin D. P. D. P. Botkin Gallery Album (in Moscow) [*Album Galerei D. P. Botkina (v Moskve)*]. St. Petersburg; 1886 (in Russian).
 11. Alexander Andreevich Ivanov: his life and correspondence 1806—1858 (with a biographical sketch by M. P. Botkin) [*Alexander Andreevich Ivanov: Ego zhizn' i perepiska 1806—1858 (s biogr. ocherkom M. P. Botkina)*]. St Petersburg — Moscow: Botkin publishing house; 1880. 478 p. (in Russian).
 12. Kelner V. E. A man of his time [*Chelovek svoyego vremeni*]. St. Petersburg; 1993. 316 p. (in Russian).
 13. Saltykov K. M. Intimate Schedrin [*Intimnyj Schedrin*]. Moscow — Petrograd; 1923. 80 p. (in Russian).
 14. Gorbunova Yu. A. 1874—1878 in Livadia. Notes by Yu. A. Gorbunova. *Nasha starina*. 1914;(11):993—1008 (in Russian).
 15. Sheremetev S. D. Memoirs of the count S. D. Sheremetev [*Memuary grafa S. D. Sheremeteva*]. Ed. L. I. Shokhin. Moscow: Indrik; 2001. 735 p. (in Russian).
 16. Goncharov I. A. Narusheniya voli [*Leisons of volition*]. The collected works in 8 volumes. Articles, notes, reviews, letters. Vol. 8. Moscow; 1980. P. 164—83 (in Russian).
 17. Loshitz Yu. Goncharov. Moscow: Molodaya Gvardiya; 1986. 367 p. (in Russian).
 18. Dzhanshiev Gr. D-r N. A. Belogoloviy. In: Belogoloviy N. A. Memories and other articles [*Belogoloviy N. A. Vospominaniya i drugiyie stat'i*]. Moscow; 1897. P. X—XXI (in Russian).
 19. “Common cause» and its behind-the-scenes editor”. Preface and publ. by Makashin S. A. Literary Heritage. From the history of Russian Literature and public opinion 1860—1890 [*Literaturnoye nasledstvo. Iz istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli 1860—1890*]. Vol. 87. Moscow: Nauka; 1977. P. 429—41 (in Russian).
 20. The report of the committee of public education «On building a S. P. Botkin house of primary public education (February 11, 1891). *Izvestiua Sankt-Peterburgskoy gorodskoy dумы*, 1891;101(9):675—80 (in Russian).
 21. Stasyulevich M. M. From the report on building a S. P. Botkin house for two primary public schools. *Izvestiua Sankt-Peterburgskoy gorodskoy dумы*. 1892;108(31):71—2 (in Russian).
 22. Patrusheva N. G. Censorship institutions and censors in the state system of the post-reform period in Russia. In: Alexander II. The tragedy of a reformer: people in the destiny of reforms, reforms in the destiny of the people. Collection of articles [*Alexander II. Tragedia reformatora: liudi v sud'bakh reform, reformy v sud'bakh liudey*]. St. Petersburg: Publishing house of the European university in Saint Petersburg; 2012. P. 148—74 (in Russian).
 23. Patrusheva N. G. Censorship in Russia in the second half of the XIX century — at the beginning of the XX century: laws and practice. In: Censorship in Russia in the second half of the XIX — at the beginning of the XX century. Collection of memoirs [*Tsenzura v Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.*]. St. Petersburg; 2003. 42 p. (in Russian).
 24. Stasyulevich M. M. and his contemporaries in their correspondence [*Stasyulevich M. M. i ego sovremenniki v ikh perepiske*]. Vol. IV. St. Petersburg; 1912 (in Russian).
 25. Kudrina Yu. V. Extracts from correspondence between Alexander Alexandrovich Romanov and his wife Maria Fedorovna. *Voprosy istorii*. 2000;(4—5):111—35 (in Russian).

Поступила 18.07.2021
Принята в печать 26.10.2021

REFERENCES

1. Botkin S. P. Letters from Bulgaria, 1877. *Vestnik Evropy*. 1892;(3—6):10—2 (in Russian).
2. Botkin S. P. Letters of S. P. Botkin from Bulgaria, 1877 [*Pis'ma S. P. Botkina iz Bolgarii, 1877*]. St. Petersburg: Tip. Stasyulevicha; 1893. 374 p. (in Russian).
3. Zhuravskii S. G. Personality and private life of S. P. Botkin (based on Letters of S. P. Botkin from Bulgaria, 1877). *Istoriya meditsiny*.

26. Airapetov O. R. The history of the foreign policy of the Russian Empire 1801—1914 [*Istoriya vneshnei politiki Rossiyskoi imperii 1801—1914*]; in 4 volumes. Vol. 3. The foreign policy of the emperors Alexander II and Alexander III 1855—1894 [*Vneshnyaya politika imperatorov Aleksandra II i Aleksandra III 1855—1894*]. Moscow; 2018. P. 298—370 (in Russian).
27. Zayonchkovskiy P. A. Russian autocracy at the end of the XIXth century (political reaction of the 80s — 90s) [*Rossiyskoye samoderzhaviye v kontse XIX stoletiya (politicheskaya reaktsiya 80-kh — nachala 90-kh.)*]. Moscow: Mysl; 1970. 444 p. (in Russian).
28. Semashko N. A. Selected works [*Izbrannyye proizvedeniya*]. Moscow; 1954. 293 p. (in Russian).
29. S. P. Botkin's jubilee [*Yubilei S. P. Botkina*]. St Petersburg: P. I. Shmidt publishing house; 1882. 24 p. (in Russian).
30. Catalog of the publications of the bookshop of M. M. Stasiulevich printing house, N 3—12. St. Petersburg; 1898 (in Russian).